Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 28.08.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-8-49-54

ХАЛИЛОВА Элина Омаровна,
4 курс 40.03.01 "Юриспруденция" образовательная программа "Юридическая деятельность" СЗИУ РАНХиГС,
e-mail: ekhalilova-19@ranepa.ru

ТРЕТЬЯКОВ Евгений Константинович,
4 курс «Менеджмент» НОУ ВПО Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Россия, г. Санкт-Петербург,
e-mail: evgeniitre@gmail.com

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ

Аннотация. *Правовое обеспечение цифровой трансформации государственного сектора в России сегодня переживает этап структурной перестройки. Если ранее регулирование строилось как реакция на внедрение конкретных сервисов, то теперь вектор смещается в сторону формирования целостной архитектуры, где ключевыми элементами становятся платформа «ГосТех» и стандарты применения искусственного интеллекта. Анализ обновленной Стратегии цифрового развития показывает, что акцент сделан не столько на самих технологиях, сколько на переходе от хаотично разрозненных баз данных к унифицированной модели взаимодействия ведомств. В этом контексте требования к защите информации перестают быть второстепенным условием и превращаются в базовый принцип функционирования системы, а право, в свою очередь, берет на себя функцию связующего звена — оно не просто фиксирует правила, но и обеспечивает совместимость всех цифровых процессов, замыкая логику государственного управления в единый контур.*

Ключевые слова: *Цифровизация государственного управления, электронное правительство, ГосТех, государственные услуги, информационная безопасность, искусственный интеллект, цифровая трансформация, правовое регулирование.*

KHALILOVA Elina Omarovna,
4th course 40.03.01 "Jurisprudence" educational program "Legal activities" SZIU RANEPA

TRETYAKOV Evgeny Konstantinovich,
4th course "Management" NOU HPE St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Russia, St. Petersburg

LEGAL REGULATION OF PUBLIC SECTOR DIGITALIZATION: CONTEMPORARY TRENDS

Annotation. *The legal framework for the digital transformation of the public sector in Russia is currently undergoing a phase of structural restructuring. Whereas previously regulation was built as a reaction to the implementation of specific services, the vector is now shifting toward the formation of a cohesive architecture, in which the GosTech platform and standards for the use of artificial intelligence are becoming key elements. An analysis of the updated Digital Development Strategy shows that the emphasis is placed not so much on the technologies themselves, but on the transition from chaotically dispersed databases to a unified model of inter-agency interaction. In this context, information protection requirements cease to be a secondary condition and become a fundamental principle of the system's functioning. Law, in turn, assumes the function of a connecting link — it not only establishes the rules, but also ensures the compatibility of all digital processes, thereby closing the logic of public administration into a single integrated framework.*

Key words: *digitalization of public administration, e-government, GosTech, public services, information security, artificial intelligence, digital transformation, legal regulation.*

Введение. Государственный сектор традиционно инертен к технологическим нововведениям в силу жесткой регламентации процедур и иерархической структуры принятия решений. Цифровизация преодолевает этот барьер не заменой носителей, а трансформацией самой сути взаимодействия между властью, обществом и бизнесом. Технологическая инфраструктура сегодня становится полноправным элементом публичного управления, наравне с правовым актом или административным регламентом.

Правовая система реагирует на эти изменения асимметрично. Базовые институты электронного правительства закреплены в законодательстве, однако стремительное внедрение алгоритмических и платформенных решений постоянно обгоняет нормотворческий процесс. Регулирование вынужденно догоняет реальность, достраивая правила постфактум, что порождает острую дискуссию о целях и методах цифровой трансформации государственного аппарата.

Особую остроту этому вопросу придает обновление стратегических ориентиров развития. Новая редакция стратегии цифровой трансформации знаменует переход от локальных инициатив к глубинной реорганизации работы ведомств. Унификация информационных систем на единой платформе, внедрение искусственного интеллекта и отказ от бумажного документооборота выводят правовое сопровождение этих процессов в разряд приоритетных государственных задач. [4,6]

Цель настоящей работы — охарактеризовать актуальные правовые рамки цифровизации и определить векторы их дальнейшей эволюции. В центре внимания находятся нормативная база электронных услуг, архитектура государственных платформ, ужесточение требований к безопасности данных, а также юридические аспекты применения интеллектуальных алгоритмов в деятельности органов власти.

Материалы и методы. Исследование опирается на комплексную методологию, соединяющую общенаучные приемы с инструментарием юридической догматики. С помощью анализа и синтеза выделены устойчивые этапы развития профильного законодательства. Формально-юридический метод применен для изучения содержания ключевых федеральных законов и подзаконных актов, регламентирующих работу государственных информационных систем.

Системный подход позволил трактовать цифровизацию не как конгломерат технических решений, а как взаимосвязанную конструкцию, объединяющую нормы, институциональную среду и реальную практику управленческих процедур. Сравнительно-правовой анализ использован для сопоставления прежней разрозненной модели ведомственной автоматизации с современной платформенной архитектурой. Такое сравнение демонстрирует поступательный дрейф правового поля от точечного регулирования отдельных сервисов к формированию целостной логики существования цифрового государства. [8]

Эмпирическую основу составляют актуальные программные документы цифровой трансформации, статистика внедрения единой платформы, а также текущие данные о трендах в области кибербезопасности и использования ИИ. Обращение к свежему эмпирическому материалу обусловлено высокой динамикой обновления данной сферы законодательства, которая существенно опережает темпы изменений в иных отраслях права.

Литературный обзор. Академический дискурс о цифровизации государственного сектора преимущественно вращается вокруг концепции электронного правительства, понимаемой как организационно-правовой механизм дистанционного взаимодействия власти с обществом и бизнесом. Российские правоведы единодушны в том, что фундамент этой модели заложен базовыми законами об информации и государственных услугах, которые создали условия для запуска единого портала и системы межведомстанного обмена данными.

Однако исследователи фиксируют существенную диспропорцию: технологические инновации внедряются быстрее, чем формируются их правовые рамки. Причём препятствия возникают не столько в виде явных запретов, сколько в форме смысловых лакун, размытых дефиниций и отсутствия обязательных стандартов сопряжения информационных систем между федеральным центром и регионами. Эта фрагментарность регулирования порождает дискуссию о базовых принципах, которым должно подчиняться цифровое управление: нейтральность к технологиям, открытость протоколов и гарантии безопасности участников остаются наиболее часто упоминаемыми ориентирами.

Отдельным вызовом для юридической науки становится квалификация самой природы цифровых инструментов в публичном праве. Попытки подвести их под существующие категории оказываются малоэффективными, поскольку законодатель вынужден реагировать на каждое новое явление точечно, упуская архитектурную взаимосвязь решений. Именно поэтому многие авторы связывают перспективы отрасли не с корректировкой отдельных норм, а с разработкой универсальных конструкций, способных адаптироваться к стремительной смене технологических укладов.

В последнее время внимание смещается к

двойственному эффекту цифровизации публичной сферы. Повышая доступность и скорость сервисов, она одновременно обнажает уязвимости, связанные с судьбой персональных данных, непрозрачностью алгоритмов и надёжностью критической инфраструктуры. Этот парадокс убедительно доказывает, что обновление государственного аппарата не сводится к техническому переоснащению, а требует пересмотра основ самого публичного управления.

Понятие и признаки цифровизации государственного сектора. Цифровизация государственного сектора — это не единовременный запуск программных продуктов, а длящийся процесс переформатирования всего цикла управленческой информации: от её зарождения и обработки до хранения и передачи. С юридической точки зрения такая трансформация затрагивает саму ткань административных процедур, поскольку всё больше властных действий сегодня совершается, фиксируется и подтверждается без оглядки на бумажный носитель.

Главная качественная перемена заключается в смене вектора: автоматизация отдельных задач уступает место выстраиванию сквозной цифровой архитектуры. Ранние этапы сводились к оцифровке обособленных услуг, тогда как нынешний этап отличается стремлением к унификации платформ, стандартизации массивов данных и созданию общей технологической среды для всех ветвей власти. Это кардинально смещает фокус правового регулирования — объектом нормирования становятся не отдельные сервисы, а алгоритмы сцепления всей системы государственных информационных ресурсов. [11]

Ещё одна сущностная черта связана с пересмотром роли конечного потребителя. Вместо привычного хождения по ведомствам цифровая среда предлагает навигацию по жизненным ситуациям, где несколько услуг объединяются в единый маршрут. Право на это реагирует с запозданием, поскольку жёсткая конструкция обособленных компетенций органов власти плохо совместима с логикой бесшовного клиентского пути. Переход к такой модели вынуждает законодателя искать новые способы регулирования межведомственного взаимодействия, где границы полномочий становятся условными, а приоритет получает полнота и удобство сервиса.

Нормативные основы электронного правительства. Базис цифровизации государственного сектора в России выстроен на двух взаимосвязанных законах. Первый из них — об информации и защите данных — установил общие правила оперирования электронными документами и применения цифровой подписи. Второй — об организации государственных услуг — легитимировал работу единого портала и механизма межведомственного обмена сведениями, превратив концепцию электронного правительства из абстрактной идеи в реально действующий правовой институт.

Эти акты охватили не только техническую сторону, но и саму процессуальную ткань: формат подачи заявок через интернет, регламент работы портала и основания для отказа, а главное — принцип однократного предоставления информации. Благодаря этому значительный массив контактов гражданина с властью перестал требовать личной явки в кабинет чиновника.

Однако развитие нормативной среды долго шло по пути запаздывающих реакций на запросы ведомств, а не упреждающего проектирования общей архитектуры. Информационные системы разных уровней власти создавались независимо друг от друга, порождая проблемы совместимости и разрыв в стандартах безопасности. Именно осознание издержек такой фрагментации подтолкнуло законодателя к смене парадигмы в пользу унифицированной платформенной модели.[10]

Платформенная модель и «ГосТех». На смену хаотичному множеству обособленных решений приходит стратегия единого цифрового фундамента. Вместо индивидуальной разработки каждый государственный орган получает доступ к типовым платформенным инструментам, что исключает дублирование затрат и гарантирует единообразие данных. Единые справочники, стандартные интерфейсы и общая система идентификации пользователей перестают быть техническими деталями и становятся полноценными элементами правового каркаса управления.

Новая редакция стратегии цифровой трансформации закрепляет этот курс как нормативный императив, обозначая конкретные сроки и доли систем, подлежащих переводу на общую платформу. Тем самым законодатель смещает акцент с регулирования отдельных ведомственных сервисов на утверждение единой архитектурной матрицы, обязательной для всей публичной власти.

Таблица 1.

Динамика целевых показателей цифровой трансформации государственного управления в РФ (2026–2030 гг.)

Показатель	2026	2028	2030
Доля государственных информационных систем на платформе «ГосТех», %	20	40	100
Сокращение объема документооборота (накопленный эффект), %	10	25	60

Уменьшение количества согласований документов, %	8	20	50
Сокращение ручного ввода данных по оптимизированным процессам, %	42	65	90
Среднее время согласования документов, дни	1	0,5	0,1
Число цифровых сервисов на основе жизненных ситуаций, ед.	42	70	100
Число видов сведений, передаваемых через цифровой профиль без повторного сбора, ед.	150	200	250

*Составлено автором на основе Распоряжения Правительства РФ от 09.07.2026 № 1779-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» и данных о ходе его реализации. [1-7]

Переход к платформенной модели перераспределяет и центр ответственности. Если раньше надёжность и безопасность каждого ресурса лежали на конкретном министерстве, то теперь эти вопросы становятся общегосударственной инфраструктурной функцией. Доступность и устойчивость платформы, сохранность массивов данных, чёткость алгоритмов их обработки — всё это требует иного юридического оформления: прописанных обязательств оператора, формализованных критериев качества предоставляемых сервисов и прозрачной системы контроля, выходящей за рамки ведомственной компетенции.

Электронные услуги и модель жизненных ситуаций. Цифровая трансформация государственных сервисов выходит за рамки простого перевода бумажных процедур в электронную форму. Вместо ведомственной логики предлагается логика события: рождение ребёнка, открытие предприятия или обращение за льготами запускают цепочку взаимосвязанных действий, которые прежде требовали обхода разных кабинетов. Теперь они сшиваются в единый маршрут, где заявитель проходит все этапы без повторного ввода одних и тех же сведений.

Правовое оформление таких сценариев неизмеримо сложнее, чем регламент отдельной услуги. Здесь требуется синхронизация компетенций нескольких органов, придание юридической силы автоматическому обмену данными между ними и установление единых стандартов для информации, циркулирующей внутри сквозного процесса. Стратегия цифровой трансформации прямо ориентирует на расширение подобных сервисов и использование цифрового профиля гражданина как источника достоверных сведений, что должно кардинально сократить объём запрашиваемых документов.

Однако техническая возможность объединить услуги нередко наталкивается на правовую недосказанность. Регламенты межведомственного взаимодействия, критерии качества передаваемых данных и механизмы отслеживания статуса обращения на каждом этапе зачастую прописаны фрагментарно. Без чёткого нормативного закрепления этих звеньев даже самый продвинутый интерфейс остаётся лишь витриной, за которой скрывается прежняя разобщённость.

Искусственный интеллект в деятельности органов власти. Внедрение искусственного интеллекта в работу госаппарата переходит из разряда пилотных экспериментов в рутинную управленческую практику. Алгоритмы уже не просто тестируются, а встраиваются в документооборот и подготовку типовых решений, постепенно становясь обязательным элементом профессионального инструментария чиновника. Успешные региональные проекты тиражируются, и эта экспансия напрямую затрагивает предмет административного регулирования.

Законодательное закрепление происходит через создание координационных центров, отвечающих за развитие ИИ, и включение соответствующих показателей в систему оценки цифровой зрелости регионов. Тем самым добровольное новаторство уступает место плановому и измеримому внедрению. Но чем глубже проникает алгоритм в управленческую ткань, тем острее встаёт вопрос о границах его автономии: в одних случаях система может предлагать вариант, в других — окончательное решение должно оставаться за человеком, и правовая дифференциация этих ситуаций пока отстаёт от технологических возможностей.

Кроме того, качество работы интеллектуальных инструментов напрямую зависит от полноты и точности эталонных массивов данных. Единые справочники, актуальность записей и прозрачность источников приобретают не меньшее нормативное значение, чем сам алгоритм. В итоге право всё больше уходит от регулирования кода и железа к регулированию условий, при которых машина допускается к участию во властных процедурах: достоверность информации, понятность логики выводов и подконтрольность результатов.

Информационная безопасность как системное требование. Контроль за защитой государственных информационных систем перестал быть формальной проверкой соблюдения стандартов и превратился в содержательную составляющую всего жизненного цикла цифровых решений. От

проектирования до эксплуатации — требования безопасности теперь встроены в каждый этап, а ответственность операторов измеряется реальным состоянием защищённости, а не наличием сертификатов. Для региональных властей это обернулось необходимостью пересматривать накопленную инфраструктуру, проводить аудит и выделять дополнительные средства на модернизацию средств защиты. Рынок отреагировал сдвигом спроса в сторону архитектур, где безопасность заложена изначально, а не прикручена позднее.

Особую остроту этому вопросу придаёт курс на импортозамещение в программном обеспечении. Переход на отечественные решения для внутренних коммуникаций и документооборота трактуется не только как технологическая автономия, но и как защита от внешних рисков — прекращения поддержки, санкционных ограничений или уязвимостей, заложенных в иностранный код. Типовое рабочее место госслужащего на российском софте становится элементом суверенной инфраструктуры.

В 2026 году нормативное оформление получила и практика применения искусственного интеллекта на уровне отдельного субъекта: московский экспериментальный правовой режим для ИИ продолжает действовать как особая регуляторная площадка, отличная от общефедеральных правил. Этот пример показывает, что безопасность в широком смысле — включая понятность алгоритмов и надёжность данных — начинает дифференцироваться в зависимости от масштаба внедрения.[6]

Проблемы правового регулирования. Прогресс в цифровизации государственного сектора не снимает фундаментальных противоречий, заложенных в самой природе правового реагирования на технологические изменения. Главное из них — терминологическая неопределённость. Законодатель каждый раз оказывается перед необходимостью заново квалифицировать сущность очередного новшества, что обрекает регулирование на запаздывание. Вместо устойчивого понятийного аппарата формируется казуистика, где каждый следующий технологический акт требует отдельного нормативного определения.

Второй узел проблем связан с рассогласованием технической зрелости и юридической проработанности сложных межведомственных сервисов. Инфраструктура способна объединять данные, но право не всегда прописывает, кто отвечает за их достоверность на промежуточных этапах, как распределяется ответственность при сбоях и по какому стандарту оценивается качество сквозного процесса. Без этих звеньев даже безупречно работающая платформа не даёт ожидаемого управленческого эффекта, а порой создаёт иллюзию порядка при фактической правовой пустоте.

Наконец, регулятор оказывается перед дилеммой: сохранять технологическую нейтральность или предписывать конкретные гарантии. Слишком общие нормы не защищают персональные данные и не делают алгоритмы прозрачными, а чрезмерная детализация привязывает право к сиюминутному техническому решению, обрекая его на устаревание вслед за кодом. Удержание этого баланса остаётся главным вызовом для дальнейшего развития отрасли.

Заключение. Правовое сопровождение цифровизации государственного сектора в России прошло путь от фрагментарных реакций на отдельные технологические внедрения к выстраиванию единой нормативной архитектуры. Платформенная унификация, сквозные сервисы, внедрение интеллектуальных алгоритмов и ужесточение стандартов безопасности перестали быть периферийными темами — они превратились в стержневые элементы публичного управления, меняющие саму логику властных процедур.

Однако этот сдвиг обнажил и глубинные противоречия. Терминологическая неопределённость, зазор между технологическими возможностями и их юридическим оформлением, а также поиск меры между гибкостью регулирования и надёжностью гарантий остаются нерешёнными. Их наличие говорит о том, что дальнейшая работа не должна сводиться к корректировке отдельных норм — необходим пересмотр базовых категорий административного права применительно к цифровой среде. [5;12]

Дальнейшее движение видится в трёх направлениях: завершение перевода всех государственных информационных систем на общую платформенную основу, встраивание искусственного интеллекта в управленческие процессы под систематическим правовым надзором и формирование стандартов безопасности как неотъемлемой части проектной документации, а не дополнения к ней. Последовательная реализация этих задач способна превратить цифровизацию из инструмента сокращения издержек в фундамент для более открытой и предсказуемой модели власти, где технологическая эффективность не расходится с правовой определённостью и ответственностью перед обществом.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[2] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

[3] Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (в ред. от 26.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.

[4] О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

[5] Федеральный закон «О персональных данных» : от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ.

[6] Агамагомедова С. А. Правовое регулирование государственного контроля и надзора: евразийская повестка // ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика. – 2025. – Т. 19. – №. 4. – С. 90-97.

[7] Алиев М. Б. Особенности цифровизации функций таможенных органов: обеспечение экономической безопасности и делового климата // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. – 2026. – Т. 106. – №. 1. – С. 64-75.

[8] Горелова Т. П., Серебровская Т. Б. Цифровая трансформация логистического бизнеса // Современная конкуренция. – 2022. – Т. 16. – №. 2 (86). – С. 101-112.

[9] Петрова Г. В., Ступаков В. И. Роль конституционно-правового регулирования бюджетных отношений в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21. – №. 1. – С. 67-72.

[10] Семикопная П. А., Апарина О. В. Цифровая трансформация в государственном управлении: вызовы и перспективы // Управленческий учет. – 2025. – №. 4. – С. 334-339.

[11] Троян Н. А. Правовое регулирование в сфере цифровых технологий в России: современное состояние, актуальные проблемы и перспективы развития // Правовая информатика. – 2025. – Т. 3. – С. 146-150.

[12] Хужаназаров А. Анализ современных тенденций нормотворчества в эпоху цифровизации // yuridik fanlar axborotnomasi. – 2026. – Т. 10. – №. 2. – С. 23-33.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2014. – № 31. - Art. 4398.

[2] On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ (as amended by 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3448.

[3] On the organization of the provision of state and municipal services: Federal Law of 27.07.2010 No. 210-FZ (as amended by 26.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 31. - Art. 4179.

[4] On personal data: Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ (as amended by 08.08.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3451.

[5] Federal Law "On Personal Data": dated July 27, 2006 No. 152-FZ.

[6] Agamagomedova S. A. Legal regulation of state control and supervision: Eurasian agenda // EURASIAN INTEGRATION: economy, law, politics. – 2025. - VOL. 19. – №. 4. - S. 90-97.

[7] Aliyev M. B. Features of digitalization of the functions of customs authorities: ensuring economic security and business climate // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Social Science Series. – 2026. - T. 106. – №. 1. - S. 64-75.

[8] Gorelova T. P., Serebrovskaya T. B. Digital transformation of the logistics business // Modern competition. – 2022. - T. 16. – №. 2 (86). - S. 101-112.

[9] Petrova G.V., Stupakov V.I. The role of constitutional and legal regulation of budgetary relations in the context of digitalization // Problems of economics and legal practice. – 2025. - VOL. 21. – №. 1. - S. 67-72.

[10] Semikopnaya P. A., Aparina O. V. Digital transformation in public administration: challenges and prospects // Management accounting. – 2025. – №. 4. - S. 334-339.

[11] Troyan N.A. Legal regulation in the field of digital technologies in Russia: current state, current problems and development prospects // Legal informatics. – 2025. - VOL. 3. - S. 146-150.

[12] Khuzhanazarov A. Analysis of current trends in rulemaking in the era of digitalization // yuridik fanlar axborotnomasi. – 2026. - T. 10. – №. 2. - S. 23-33.